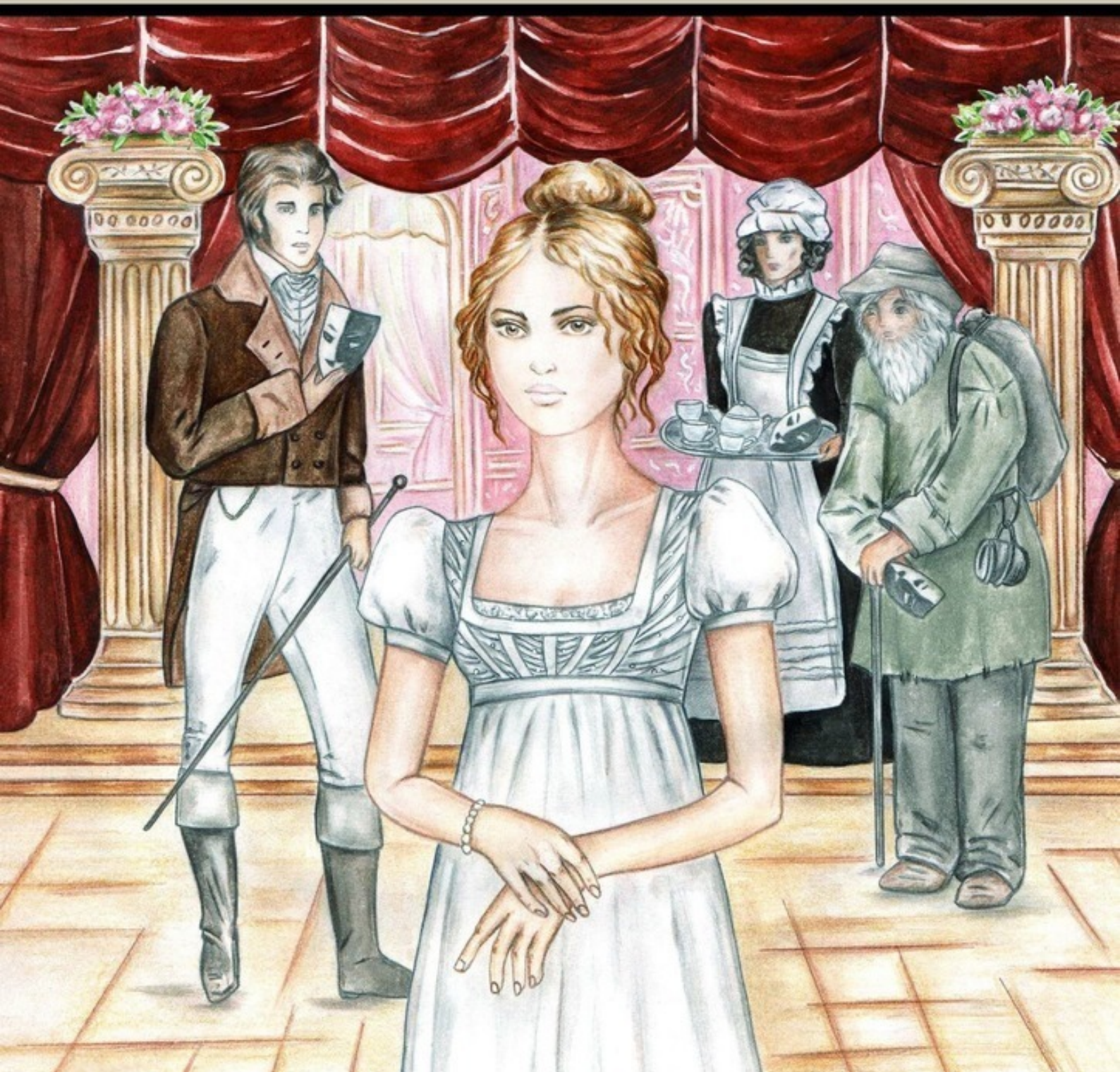
МАРГАРИТА МАРТЫНОВА

Главная роль



Маргарита Мартынова

Главная роль

«Издательские решения»

Мартынова М.

Главная роль / М. Мартынова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501683-6

Семнадцатилетняя Арабелла, оставшись одна после смерти отца, вынуждена выйти замуж за его компаньона. После замужества юная девушка оказывается в Париже — столице социального неравенства и порока. Когда от приставаний пьяных мастеровых ее спасает пожилой старьевщик, она искренне верит, что, наконец, обрела друга. Однако Арабелла еще не знает границы своей доверчивости. У всех происходящих событий есть свое объяснение, но оно сильно отличается от предположений девушки.

ISBN 978-5-00-501683-6

© Мартынова М.
© Издательские решения

Главная роль

Маргарита Мартынова

Иллюстратор Олеся Ковалева

© Маргарита Мартынова, 2019
© Олеся Ковалева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-1683-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Этот вечер в Императорской академии музыки запомнился многим любителям комической оперы. Давали самую популярную постановку последних лет – «Дезертира» Пьера-Александра Монсиньи, которая за последние десятилетия не сходила с театральных подмостков. Но сегодня парижскую публику взволновало не это. На сцене в роли Луизы появилось незнакомое ранее лицо. Юная белокурая особа с великолепным голосом, чуть дрожащим от волнения, поразила зрителей, и в антракте во всех уголках здания обсуждение этого события составляло конкуренцию обычным для французского света разговорам об успехах Наполеона.

Окна и зеркала театрального фойе усиливали блеск стен, придавали особенную мощь колоннам и рельефность потолочным узорам. Несколько женщин, все как одна – в бархатных платьях лилового и фиолетового цветов с золотым шитьем – размахивали веерами и театральными программками сегодняшнего вечера, умудряясь почти не перебивать друг друга.

– Но в программе была заявлена Аннет Болье! Надеюсь, она здорова?

– Но какой голос у этой особы! Дорогая Мари, вы слышали что-нибудь подобное? Какое роскошное сопрано!

– Но кто же она?

– Ох, никто не знает. Все впервые видят это создание на сцене…

– Надеюсь, что Аннет все же здорова, такая замена очень неожиданна для меня!

– И все-таки, кто эта девушка? Какой великолепный голос! Кто-нибудь может сказать, кто это?

И такие вопросы перед началом нового акта звучали отовсюду – на парадной лестнице и в танцевальном фойе, возле окон и в проходах зала. А в стороне от толпы, слегка спрятавшись за колоннами, со счастливой улыбкой на лице за всем этим оживлением следил темноволосый молодой человек.

* * * *

Предзакатное воскресное солнце медленно наползало на Париж. Украшало своими лучами церковные шпили, улыбалось аллеям парка Тюильри, обнимало платья дам на бульваре Итальянцев, клубилось в пыльных улицах квартала Маре и пыталось заглянуть в нищие комнаты жителей предместья Сен-Мартен. Впрочем, последнее казалось почти безлюдным. Обитавшие там мелкие рантье, алхимики и потерявшие состояние опустившиеся парижане в этот день наводняли собой кабаки Вожирара. Шум, гул, зловоние, кислое вино – неизменные детали воскресного отдыха тех, кого трудно было причислить к лощеным истинным парижанам. В Сен-Мартене не бывало случайных прохожих, а, если бы таковые возникли, они бы постарались быстрее покинуть это место, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания.

В арках серых домов и в дверях кабаков прятались продажные женщины – такие же тусклые, невыразительные и ничтожные, как и все вокруг.

Впрочем, не все. Женская фигура отделилась от стены, осмотрелась по сторонам и осторожно побежала дальше по улице. Нет, эта особа не могла быть жительницей этого района: одно только платье выдавало в ней состоятельную парижанку: высокий лиф, прямая длинная юбка с нижними оборками, дорогая ткань. Девушка передвигалась почти бесшумно: легкие кожаные туфли на низком каблуке скрадывали ее шаги. Светло-русые волосы были аккуратно собраны.

Незнакомка остановилась и набрала воздуха в легкие, повертев головой по сторонам и прикусив губу. Выражение ее еще детского лица было растерянным. Кажется, она не знала, куда идти. Громкий пьяный хохот, донесшийся из кабака напротив, заставил ее вздрогнуть и попятиться. Под ногами что-то оказалось, раздался пронзительный кошачий вопль, девушка испуганно взвизгнула, прижав к груди узкие ладони, и бросилась бежать, едва не поскользнувшись в луже помоев. Не понимая куда бежит, она свернула в арку и наткнулась на какого-то мужчину. Пахнуло дешевым кислым вином.

– О! – ухмыльнулся пьяный, хватая ее в объятия. – Добрый вечер, красавица!

Вокруг раздался дружный хохот. Компания из троих подвыпивших мастеровых, у одного из которых на лице расплывался огромный синяк, разглядывала девушку с нескрываемым интересом.

– Пустите меня, месье! – дернулась та.

Эта фраза вызвала приступ пьяного хохота у всех троих.

– Месье! Пустите ее! Деточка, ты потерялась?! Мы тебя проводим! Жильбер, в какое место проводим мадемуазель?!

В лицо девушке дыхнули смесью дешевого табака и прокисшего вина. Юная особа сделала попытку вырваться, отчаянно мотая головой, но, поняв безрезультатность этого, изловчилась и с силой вцепилась зубами чуть повыше локтя державшего ее мастерового. Тот отвратительно ругнулся на всю улицу и разжал объятия. Девушка бросилась бежать, снова споткнувшись в грязной зловонной луже, и лишь чудом удержалась на ногах. Оборачиваться она боялась, сердце неистово колотилось.

Судя по топоту и шуму, за дерзкой беглянкой началась погоня. Прижимая ладонь к груди и держа второй рукой подол платья, та свернула в очередную грязную улочку и… остановилась как вкопанная. Перед ней был тупик. Шершавая стена полуразвалившегося дома угрюмо смотрела провалом темного кирпича. Пахло гнилью и нечистотами.

Девушка сжалась в комок, беспомощно оборачиваясь, и сделала вперед пару шагов, сомневаясь, как поступить. Путь назад был отрезан. Еще секунда и пьяные мужчины поймают ее…

… – Беги! – вдруг крикнул рядом бодрый мужской голос, и толстая палка с металлическим наконечником опустилась на плечи одного из тех, кто уже обступил несчастную. Не пожелав даже понять, откуда пришла так кстати подвернувшаяся помощь, молодая особа побежала в обратном направлении, пользуясь тем, что между ее преследователями и внезапным защитником началась драка. Если бы она обернулась, то увидела бы рослого мужчину в грязно-зеленой блузе старьевщика, который, с поразительной для преклонных лет ловкостью, отбивался палкой от пьяных мастеров. За минуту с легкостью оглушив всех троих, он побежал следом за девушкой, слегка шаркая подошвами сапог.

Впрочем, виновница переполоха не успела далеко убежать. За поворотом она поскользнулась, упала и ушибла колено, и, в тот момент, когда неожиданный спаситель нагнал ее, девушка, прихрамывая, неловко семенила, вздрагивая от каждого долетавшего до неё звука и боясь обернуться.

– Давай руку! – сказал старьевщик, поравнявшись. – Нужно уйти подальше от этого места!

И схватил пыльной широкой ладонью ее узкую белую кисть. Не обменявшись даже взглядами, они побежали вперед, оставляя за собой погружавшийся в вечернюю темноту квартал.

Когда впереди показались первые уличные фонари, старьевщик отпустил руку девушки и обессиленно опустился на землю. Они были на небольшом холме перед Сеной, которая казалась черной из-за надвигающейся вечерней темноты. Небо было серовато-желтым. Пахло сыростью и гнилью. Какое-то насекомое совсем рядом издавало громкие шуршащие звуки. Откуда-то лилась музыка.

– Спасибо! – пискнула девушка, разглядывая своего неожиданного спасителя.

Это был самый обычный старьевщик, которыми был наводнён Париж. Неровная, местами грязная борода обрамляла широкое лицо, покрытое пылью и морщинами, серо-зеленая блуза широкого кроя доставала почти до колен. Стоптанные на одну сторону короткие сапоги без голенища дополняли облик. Некогда стильная шляпа теперь напоминала пожеванный козой цилиндр и его края уныло свисали, наползая на лоб. Старьевщик смотрел на девушку, улыбаясь, закинув за плечо свой огромный мешок. Широкая палка с металлическим наконечником, так удачно пригодившаяся в драке, служила ему вместо посоха.

Девушка села рядом с ним на землю, изучив свое испачканное платье, и слегка поморщилась, видимо, вспомнив все произошедшее несколько минут назад.

– Ты заблудилась? – отеческим тоном спросил ее спаситель, смотря на Сену несшуюся впереди них.

– Нет, – ответила юная особа. – Я… Прогуливалась…

– Там? Это странное место для прогулки приличной девушки… – старик оценил ее взглядом. – Ты же не там живешь…

– Живу на Шоссе д'Антен, – ответила та сухо. – Я гуляю по Парижу.

Старьевщик еле слышно вздохнул, слегка склонив голову к плечу, и аккуратно изучил свою юную спутницу. Едва ли можно было ей дать больше восемнадцати лет: слегка пухлые губы, округлое лицо, белые руки с изящными пальцами художницы, миниатюрный профиль. Поймав его взгляд, девушка чуть смутилась.

– Как вас зовут? – вдруг спросила она.

– Жак. А тебя?

– Арабелла.

– Какое редкое необычное имя… – произнес старик, но какого-то удивления в его словах не было.

– Как у мамы, – произнесла девушка. Она опять взглянула на свое грязное платье, потом – на пыльного старика, но то, что вертелось у нее на губах, осталось невысказанным. Повисло молчание. Музыка, доносившаяся до них, прекратилась.

Жак, неловко кряхтя, сменил позу, в которой сидел, и сказал:

– Не мое дело, зачем такая особа гуляет в тех местах, где ей лучше не показываться. Но, надеюсь, что впредь ты будешь осторожнее, и будешь прогуливаться где-нибудь в других кварталах…

Арабелла бросила взгляд на темнеющие воды Сены, потом повернулась к собеседнику.

– Извините за мой вопрос, но вы ведь не родились старьевщиком, правда? И не всегда жили ….вот так…

Тот поскреб лоб под полями обвисшей шляпы.

– Нет… Когда-то у меня была торговая лавка…

– И вас обманули? – вдруг заинтересовалась девушка. – Мошенники? Плохие инвесторы?

Жак слабо улыбнулся:

– Давно это было, мадемуазель. Давно…

Арабелла снова посмотрела на Сену.

– Я же могла тоже быть сейчас среди всех людей… – сурово сказала она, имея в виду предместья бедняков. – Поэтому, стремлюсь понять: вдруг там кому-то нужна помощь. А, может быть, я могу сделать что-то для вас? – девушка вдруг оживилась и схватила старьевщика за широкую грязную ладонь. – Вы помогли мне, я могу отблагодарить вас!

Глаза ее заблестели, озаряемые мыслью. Арабелла стянула с руки золотой браслет и попыталась вложить его в сильную руку Жака.

– Это стоит больше, чем несколько дней вашего труда!

– Нет, мадемуазель, я не могу, – отказывался тот.

– Возьмите!

– Нет, Арабелла, – твердо покачал головой старьевщик и положил браслет на колени девушки. – Я же не смогу продать эту вещь, взгляни на меня. Никто не поверит, что я не совершил кражи или не получил обманом эту драгоценность. Меня могут задержать даже…

Внезапно поняв справедливость его слов, та вздохнула и надела браслет обратно на руку.

– Я не подумала, извините. Я хотела как лучше…

– Ты не парижанка ведь? – вдруг спросил Жак, утирая нос засаленным рукавом.

– Нет, – как-то просто ответила Арабелла. – Мы с отцом жили в предместье Лиона. Здесь я всего полгода…

Старик шмыгнул носом и потер рукавом колено, оттирая грязное пятно.

– Скоро совсем стемнеет. Тебе надо домой, родители волноваться будут.

– У меня нет родителей. Меня никто не будет искать, – девушка встала. – Но надо идти домой, вы правы…

Старьевщик взглянул на ее хрупкую фигуру и захлопал по карманам своей блузы:

– Далеко же идти… Тебе нужна мелочь на фиакр.

– Нет-нет, – Арабелла тронула его за плечо. – Не нужно! Я пойду пешком, – она вдруг хихикнула. – Посмотрите на мое платье! Ни один кучер не согласится посадить к себе такую грязную пассажирку, – и вдруг подала Жаку руку. – Держитесь, я помогу вам встать!

Тот на секунду замешкался.

– Полагаешь, я уже так стар?

Арабелла проигнорировала его вопрос, продолжая с улыбкой протягивать ему узкую ладонь. Жак, чуть покряхтывая, схватил руку девушки, и, помогая себе своей палкой, поднялся с земли. Несколько секунд они смотрели друг на друга: юная особа в перепачканном помоями платье и пожилой старьевщик, опиравшийся на свою палку. Потом Арабелла еще раз улыбнулась, сказала «спасибо» и быстрым шагом пошла по улице, стараясь держаться в тени домов.

Она ни слова не соврала своему новому знакомому. Она и правда жила в Париже всего полгода, приехав сюда после замужества. Французская столица кишела сплетнями, случаями, разнообразными слоями общества, другой жизнью – и всё это было неинтересно девушке, которой только должно было исполниться восемнадцать. Арабелла искренне испугалась ситуации, произошедшей с ней сегодня, но это не заставило ее избегать бедных районов. Она шла домой с мыслью, что еще вернется.

Квартал Шоссе д'Антен, куда сейчас направлялась девушка, располагался на правом берегу Сены недалеко от бульвара Итальянцев, ассоциирующегося у парижан не иначе, как с показом мод. Арабелла уже успела оценить странное для нее позерство: все тамошние жители старались перещеголять друг друга в модных веяниях, выставляя напоказ шелка и драгоценности. Ежедневно сам бульвар Итальянцев был наводнен дамами, сверкающими изысканными платьями, которые при этом бесцеремонно глазели по сторонам, а некоторые даже выносили стул и гуляли таким способом, часами не вставая с места.

Оказавшись на улице Мучеников, Арабелла осмотрелась по сторонам, борясь со странным ощущением, что за ней кто-то идет, но, никого не увидев, облегченно вздохнула и свернула к двухэтажному особняку с позолоченными узорами на фасаде. Немного подумав, она обошла дом с другой стороны и толкнула дверь, ведущую на кухню.

Девушку встретила тишина, впрочем, как и всегда. Здесь не было голосов или веселого смеха, но здесь также не имели место быть ни званые ужины, ни семейные ссоры. Большой особняк, обставленный массивной мебелью в темных тонах, казалось, лишь терпеливо взирал на все происходящее. Со стороны кухни плыли запахи, напомнившие Арабелле о том, что она давно ничего не ела.

– Мадам? – услышала она женский голос слева от себя и слегка вздрогнула.

– Добрый вечер, Матильда, – сказала девушка, стараясь казаться невозмутимой.

– Подавать ужин? – лицо пожилой служанки не выражало никаких эмоций.

– Я могу поесть на кухне… – ответила Арабелла, слегка пожав плечами. Ей давно было все равно, о чем думают слуги в этом доме.

– Дело в том, что месье Генрих был занят и ещё не ужинал… – сказала Матильда прежним тоном.

Арабелла захватила воздух носом, слегка изменившись в лице, и сжала губы в полоску. На служанку она не взглянула.

– Ах, хорошо. Подавай. Я переоденусь и спущусь…. – сказала она и быстро пошла к лестнице, ведущей на второй этаж. На секунду задержавшись на нижней ступеньке, девушка напряженно взглянула в сторону кабинета мужа. Заметив, что дверь плотно закрыта, она вздохнула с еле уловимым облегчением, взяла со столика зажжённую свечу и быстро поднялась наверх.

Только оказавшись в своей спальне, Арабелла ощутила внутреннее облегчение и кинулась снимать грязное платье, морщась от неприятного запаха.

В противоречие всей обстановке особняка, комната самой девушки казалась будто невесомой. Отделанные в розово-золотой цвет стены, потолок с белой лепниной, сиреневые гардины в тон прикроватным шторкам, наличие повсюду бронзовых статуэток и цветов в вазах, задвинутый в дальний угол мольберт: все будто намекало на то, что хозяйка спальни – особа романтичная и юная. В дальнем углу была дверь в будуар – именно туда и направилась Арабелла, чтобы переодеться.

Оказавшись в одном нижнем белье, девушка заглянула за шкаф, вытащила оттуда картину, изображавшую седого мужчину во фраке, осмотрела ее с довольной улыбкой и осторожно убрала на прежнее место, потом устало села на кушетку. На ее лице появились нотки печали, взгляд устремился в пустоту.

В дверь спальни постучали и девушка вздрогнула, очнувшись от мыслей.

– Мадам!

– Да, Матильда! – крикнула Арабелла, выходя из будуара.

– Я хотела спросить, помочь ли вам переодеться… – лицо высокой нескладной служанки снова ничего не выражало.

– Нет, спасибо. Я сейчас надену платье и спущусь…

– Месье Генрих ждет вас внизу, – сказала Матильда давно заученным тоном. – С вашего позволения…

После ухода горничной Арабелла сделала гримасу, показывающую раздражение, погрузила руки в чан с водой, служащий для омовения, потом направилась к шкафу с платьями.

…Генрих Дюпен медленно прогуливался возле лестницы, периодически бросая взгляд на второй этаж. На его высокой крепко сложенной фигуре отлично сидел коричневый фрак. Безупречно выбритое лицо подчеркивало прямой подбородок и выдавало ум и образованность своего хозяина. Из-под прямых темных бровей печально смотрели синие глаза.

Услышав шаги на лестнице, он вздрогнул и поднял голову.

– Добрый вечер, Генрих, – холодно сказала Арабелла, медленно спускаясь по лестнице, затем протянула мужу руку, и оба они прошли в столовую, не сказав ни слова, и не глядя друг на друга.

Ужин проходил в гнетущем молчании, нарушаемом лишь звоном приборов. Арабелла медленными движениями нарезала мясо в тарелке, стараясь не смотреть на супруга, сидящего напротив, и понимала, что аппетит ее покинул. Генрих же несколько раз украдкой взглянул на девушку, потом поскреб бакенбарду и спросил:

– Как прошел твой день?

– Спасибо, хорошо, – ответила Арабелла, не поднимая глаз. – А у тебя? Дела идут хорошо?

Любой посторонний наблюдатель уловил бы сарказм в этом вопросе. Генрих сжал губы и нехотя ответил, кивнув.

– Да. Финансируем кораблестроительство в Нанте…

И снова воцарилось молчание. Легкий звон столового серебра нарушал эту ледяную картину. Пламя большой люстры придавало синему платью Арабеллы пурпурный отблеск.

По окончании ужина Генрих поцеловал жену в лоб с пожеланием приятных снов, проводил взглядом девушку, поспешно поднимавшуюся наверх, затем скрипнул зубами и в бешенстве стукнул кулаком по лестничным перилам.

*** * * ***

Часы на соседнем соборе пробили полдень. В гостиной небольшого дома на окраине Лиона сидело двое мужчин.

– Честно говоря, я не очень люблю риск, – джентльмен средних лет в уже вышедшем из моды черном костюме откинулся в кресле и посмотрел на своего гостя.

– Там, где требуется успех, риск неизбежен, месье Гуро, – молодой человек в начищенных до блеска туфлях поправил свои манжеты. – Но, поверьте, я знаю цену своим предложениям. Просто так я не вкладываю денег, их у меня не так уж и много…

– На самом деле, я знаю, что такое финансовые вопросы. Я хорошо понял, что именно вы хотите до меня донести, Генрих.… Позвольте, я к вам чуть фамильярно… как старший по возрасту, – Жорж Гуро слегка подался вперед. – Дело не в моей трусости, но, позвольте, я буду нескромным до конца. Сколько вам лет, молодой человек?

Тот чуть прищурился и сделал витиеватый жест рукой, словно демонстрируя неофициальность этой беседы.

– Двадцать пять.

– Вы женаты?

– С прошлого месяца – да, – на лице Генриха Дюпена появилась открытая улыбка уравновешенного человека, которого ничуть не задевали подобные вопросы.

Его собеседник кивнул своим мыслям и снова откинулся в кресле.

– В этом и может крыться проблема. Я понимаю, вы молоды, полны энергии и планов. А у меня дочь, еще дитя, и у неё нет матери, – Жорж Гуро ущипнул себя за баки. – Мне тревожно…

Генрих перекинул ногу на ногу, оперевшись на подлокотник дивана, и потер гладкий подбородок.

– Месье Гуро, позвольте. Эту фразу вы сейчас произнесли так, будто я авантюрист. Я, собственно, имел целью своего визита рассказать вам кое-какие факты…

– Прошу прощения, господа, – прозвучал за их спинами женский голос. – Вы просили заварить чай вместо вина…

Немолодая женщина внесла поднос в гостиную.

– Я могу сама, – русоволосая девочка лет семи протянула руки, и прежде, чем кто-либо сумел ее остановить, схватила сразу две чашки и понесла их к дивану, на котором сидел гость. Тот повернулся всем телом, видимо, желая отодвинуться и не мешать, и нечаянно задел ее плечом.

Раздался звон упавших чашек. Поднялась паника. Генрих, на которого выплеснули горячую воду, выругался от неожиданности и вскочил с места, размахивая руками. Дама, принёсшая поднос, схватила полотенце и кинулась вытирать костюм гостя, охая и извиняясь. Напуганная случившимся девочка в ужасе отпрянула.

– Арабелла! – сердито крикнул отец, вскакивая с кресла. – Что ты натворила?! Ты зачем вообще мешаешься здесь?! Немедленно иди в свою комнату и не выходи оттуда!

И без того перепуганный ребенок, заливаясь слезами, бросился к лестнице, спотыкаясь на ступеньках.

– Зачем вы так, – мягко сказал Генрих, отряхиваясь. – Это же еще дитя. Она хотела помочь… И не волнуйтесь за меня, это плотная английская ткань, я в полном порядке…

* * * *

– Доброе утро, мадам, – приветствовал Арабеллу пожилой лакей с франтоватыми усами, когда она спустилась вниз. – Прикажете подавать завтрак? – и прибавил. – Месье Генрих ждал вас, но вы не просыпались, и он был вынужден уехать…

– Хорошо, Франк, – сказала девушка, сохраняя невозмутимый вид, и после завтрака снова поднялась в свою комнату. При дневном свете ее спальня казалась еще более романтичной, через распахнутое окно в комнату проникали теплые лучи июньского солнца. Пройдя в будуар, Арабелла, как и накануне, вынула картину из-за шкафа, взглянула на неё, пробормотала «Папа был бы горд» и убрала полотно обратно, убедившись, что оно не бросается в глаза постороннему. Потом задумалась.

Вчера ей повезло с неожиданным спасителем. Но это не меняет всей ситуации и не остановит ее. В этих бедных районах наверняка десятки приличных женщин, которые прозябают в нищете по ряду причин, и у неё есть отличная возможность им помочь. В любом случае, будто бы у нее было какое-то другое занятие. В этом доме никому нет до нее, Арабеллы, дела, она лишь часть общей картины – не более того. До смерти отца она жила на окраине Лиона, у нее были подруги, со многими из которых она общалась с детских лет, она разводила орхидеи в маленькой оранжерее, любила загородные поездки и фермерские поля. В детстве она даже ухаживала за собственными канарейками и держала в подвале щенков.

Париж был ей чужд и холоден с нею. Разговоры о моде, излишнее, по мнению Арабеллы, щегольство, чрезмерная сухость окружающих, натянутая любезность – все это вызывало у девушки тоску и усиливало чувство одиночества.

…Арабелла уже час гуляла по пассажу, разглядывая горы продаваемых безделушек. Её комната и так была уставлена всевозможными поделками и статуэтками, но ей всегда хотелось приобрести что-нибудь еще, раз уж она полностью свободна в своих покупках. Французская столица даже спустя шесть месяцев пребывания, все равно казалась ей странной и оттого манящей не менее ядовито. Контраст, создаваемый городом, привлекал ее сильнее с каждым днем, девушка словно стремилась что-то понять и заставить Париж признать себя. Вот Тюильри, утопающий в зелени, и веселый смех прогуливающихся дам в расшитых позолотой и бархатом платьях, но чуть дальше – и вот он, тот Париж, по тротуарам которого текли помои, и где бродячие собаки рылись в горах мусора вдоль мостовых. Арабелла содрогалась, но не могла отказать себе в тайном желании все больше изучить этот загадочный город. Предместье Сен-

Мартен – прибежище низших слоев Парижа, и свалка Монфокон – вот, что так сильно манило ее еще детское любопытство. Но до сих пор она не набралась смелости идти туда в одиночку. Вчерашняя попытка осуществить задуманное показала ей, что все может быть куда сложнее, чем ей кажется со стороны.

Вдруг Арабелла вздрогнула и отошла от прилавка. В толпе гуляющих по пассажу людей промелькнула мужская фигура, которая показалась ей знакомой.

– Франсуа? – пробормотала она, замирая на месте. – Неужели это он?

И, подхватив подол платья, девушка поспешила догонять мужчину в синем костюме, довольно бесцеремонно расталкивая всех локтями. Глаз с объекта преследования она не сводила, и с каждым шагом все более убеждалась в том, что не ошиблась, но тут:

– Арабелла! Арабелла Дюпен! Добрый день, дорогая! – прозвучал рядом с ней слащавый женский голос, и девушка остановилась, подавляя навалившееся раздражение. Незнакомец в синем фраке направился к лестнице, ведущей вниз, и скрылся из вида в считанные секунды.

– Мадам! – растянула Арабелла губы в улыбке, пытаясь вспомнить, как зовут женщину, которая сейчас без умолку сыпала на неё фразами, выражающими отношение к платью и внешнему виду самой девушки. Все эти многочисленные семейства, с которыми был дружен Генрих Дюпен, Арабелле ничем не запомнились. Она, как и полагалось в ее случае, навещала этих людей, посещала званые обеды и ужины, но ей было мучительно скучно и тяжело поддерживать общение в этом новом для себя кругу. При каждом удобном случае девушка стремилась сбежать ото всех. Кажется, в одном из недавних визитов она ускользнула на террасу от общества именно этой болтливой особы, чтобы поиграть с ее же болонкой.

– А Генрих? – от мыслей Арабеллу отвлекло упоминание имени мужа. – Генрих здесь?

– Нет, он сегодня уехал рано, я его не видела.

– Ох, он занятой человек, да! – дама перекинула через плечо бархатную шаль, неуместно тёплую для лета. – Но, что поделать, такой интересный мужчина… Была бы я не замужем, я бы тебе завидовала! Извини, я побегу!

И, сделав витиеватый жест рукой, затянутой в замшевую перчатку, женщина подхватила платье и скрылась в толпе, оставив Арабеллу проглатывать послевкусие этой короткой встречи. Немного подумав, девушка метнулась к парапету и взглянула вниз на улицу. Но нет, мужчины в синем костюме уже нигде не было видно. А ведь она была почти уверена, что это Франсуа!

На секунду устыдившись своих мыслей, девушка капризно мотнула головой, выпрямила спину, вздохнула и медленно направилась к лестнице.

Оказавшись на улице, она слегка прищурилась на яркое солнце и пошла по узкой улице. У ее пути не было никакой конкретной цели, она почти все время ходила по парижским улицам, словно бросая вызов судьбе. Где-то в стороне яростно спорили два извозчика, видимо, не сумев разъехаться на узкой улице.

Арабелла уже прилично ушла вглубь квартала, когда вдруг услышала чьи-то сдавленные всхлипывания. Осмотревшись, она заметила заплаканную женскую фигуру, сидящую на земле в арке ворот, и поспешила к ней.

– Мадемуазель, что с вами? Вам нужна помощь?

Та подняла красное от слез лицо и в некотором изумлении посмотрела на Арабеллу:

– Я… Извините, что напугала вас…

Арабелла села рядом с ней на колени и в ее карих глазах появилось живое участие.

– Вы ушиблись? Вам нужен врач? У вас какое-то горе…? Скажите, что я могу для вас делать?

Та замялась, видимо, не зная, как реагировать, потом заговорила, заламывая руки:

– Я продавала козье молоко до сегодняшнего дня… Теперь меня уволили. Не заплатили жалование. Я боюсь идти домой, мой отец может выгнать меня… Он стар, и нам нечем платить за жилье…

Арабелла почувствовала, что улыбка распирает ее изнутри. Вот оно! Нашелся человек, которому она может оказать помощь! Сжав губы, чтобы выражение ее лица не казалось столь неуместным, она протянула узкую кисть новой знакомой.

– Позвольте, я помогу встать. Меня зовут Арабелла…

– Мари, – пробормотала неуверенно та, вставая с земли, и взглянула на новую знакомую с напряжением, видимо, ища подвох.

Арабелла спокойно выдержала эту оценку со стороны, потом сняла с руки все тот же браслет.

– Возьмите…

– Что вы… Нет… Я не могу, – Мари осторожно озиралась по сторонам, пытаясь понять, что происходит.

– Это – мой подарок! Его можно продать, вырученных денег вам с отцом хватит. Это от чистого сердца! – сказала Арабелла, улыбаясь.

– Но, – Мари напряженно изучала ее дорогое платье – Эта вещь наверняка памятная. Ваши родители будут сердиться.

Арабелла вздохнула и сжала губы в полоску.

– У меня уже нет родителей, – сказала она суховато. – Браслет – подарок мужа, но его я не собираюсь беречь. Возьмите, Мари, прошу вас.

Было в ее тоне что-то такое, что заставило новую знакомую взять украшение и повертеть его в руках.

– Мне не поверят, – еле слышно пробормотала она.

– Хорошо, – вдруг осенило Арабеллу. – Я не живу в этом квартале и здесь не ориентируюсь. Отведите меня к ювелиру, я сама продам браслет. Он принадлежит мне, и я вольна делать с ним все, что пожелаю!

Настроение у неё было еще более приподнятое, чем пять минут назад. Всю дорогу до ближайшей ювелирной лавки, девушка слушала сбивчивые рассказы взволнованной Мари, не обращая внимания, как за ними идет, стараясь быть незамеченным, какой-то мужчина.

* * * *

За кулисами маленького театра комедии в Руане в этот вечер было очень оживленно. За пару часов до премьеры спектакля в театре появился Генрих Дюпен – владелец заведения, и все актеры сейчас толпились вокруг него. Было шумно и весело. Кто-то пытался репетировать сцену, но периодически врывался в разговор.

– Мне хотелось взглянуть, вот и все, – Генрих сел в любезно предложенное ему кресло, снял шляпу и закинул ногу на ногу. – Тем более, я в городе проездом…

– Как поживает мадам Жаклин? – молоденькая танцовщица в блестящем парике покрутилась вокруг его кресла, хотела сесть на подлокотник, но сразу же вскочила, заметив выражение лица Генриха.

Тот мрачно сдвинул низко посаженные брови.

– Она заболела… – и, не желая обсуждать эту тему, обратился к одному из актеров. – Любезный мой, а вот борода – враг вашей профессии…

– Да, месье, я знаю, – смутился тот, трогая свое лицо. – Но пока идет этот спектакль…

– Сегодня у вас эта роль, а завтра может быть любая другая, – поднял указательный палец Генрих. – Вы не должны быть привязаны к образу, такие детали, как лишняя растительность на лице, могут ограничивать ваши способности и профессиональную востребованность…

– Да… Я понял, – пробормотал молодой человек и постарался затесаться в толпу, стоящую вокруг гостя.

– Месье Генрих, скажите, – спросил кто-то. – Правда ли, что ваш отец был актером?

– Режиссером, – шевельнул бровью тот, стряхивая пыль со своей шляпы. – Поэтому отправить мне сценарий я просил тогда не просто так…

Он вдруг хлопнул себя по колену и откинулся назад:

– Покажите мне финальную сцену… Где Марго?

*** * * ***

Придержав край платья, Арабелла ловко перескочила через грязную лужу и легкой походкой направилась дальше по разбитому лошадиными копытами тротуару, когда из подворотни на неё вдруг бросилась собака. Рыжая псина с подпаленным хвостом припала на передние лапы, агрессивно залаяла и вцепилась зубами в подол девушки. Арабелла взвизгнула и попятилась, едва не упав, потом вырвала платье из пасти животного и отбежала назад. Зарычав, собака выставила хвост и снова кинулась на девушку. Та в страхе закрыла лицо руками, сжимаясь в комок.

– А ну, поди прочь! – прогремел рядом мужской голос и затем послышалось обиженное поскуливание.

Арабелла повела плечами, медленно открывая лицо, и улыбнулась против воли. Перед ней стоял ее недавний знакомый – старьёвщик Жак. Он опирался на свою огромную палку и слегка хмурился. Пыльная борода его топорщилась в разные стороны.

– Это вы, милое дитя? – спросил он. – Снова…

Девушка испытала облегчение и улыбнулась еще шире.

– Жак! Очень рада вас видеть… Вы снова пришли мне на помощь. Я обычно не боюсь собак, но сейчас…

Она не договорила, опасливо вытянув шею в сторону подворотни.

– Милая Арабелла, – сказал старик. – Бездомные парижские собаки часто бывают агрессивны. Им достается от пьяниц и юных сорванцов… Вы, верно, путаете их с ухоженными собаками жителей вашего квартала.

Арабелла помрачнела:

– Я в ваших глазах безумная, да?

Жак почесал затылок под шляпой и перевалился на другую ногу, постучав палкой по земле.

– Силюсь лишь понять, что ищет юная особа твоего класса в таких местах, как это…

Девушка вздохнула и изучила порванный собакой подол платья.

– Ах, ничего. Я никогда не была в Париже ранее. И мне очень интересно, как существуют люди за пределами той части, где я теперь живу… – она заметила короб за плечами Жака и встрепенулась. – Он тяжелый? Давайте, я его понесу…

Старик мягко улыбнулся:

– Да, парижские женщины – они другие, – сказал он вдруг. – Я это вижу… Они более смелые и независимые сейчас, чем двадцать лет назад. Но я все же, – он выпрямился и приосанился. – Предпочитаю справляться со своей работой сам… Идем отсюда…

Они двинулись в противоположную сторону той, откуда шла Арабелла. Оторванное кружево на платье девушки волочилось следом по неровной мостовой. Жак слегка опирался на свою палку, но шаг его был бодрый и крепкий. Некоторую часть пути они шли молча, затем Арабелла вдруг спросила:

– Жак, скажите, вы всю жизнь живете здесь? Вы видели другие города?

– Я видел всю Францию, – ответил тот и прибавил. – В свое время… Шумный портовый Нант, истинно лотарингский Нанси, многоэтажную Тулузу…

– Как вы считаете, Париж лучше или хуже?

– Милая Арабелла, – старьевщик замедлил шаг. – Какие простые вопросы задает юность. Париж – огромный город со своей жизнью. Здесь небезопасно молодой девушке гулять в одиночку по некоторым районам.. Таков Париж – вот и все.

Арабелла улыбнулась:

– И вы снова меня спасли…

– Удивительное совпадение, – пробормотал тот и взглянул на девушку. – Ты, в самом деле, никого не разыскивала?

– Я здесь никого не знаю, – ответила та. – Кроме вас… И тех людей, что живут в моем районе, как вы выразились. Но там я давно не гуляю, там ужасно вульгарно и скучно…

Жак слегка прищурил на неё синие глаза и прищурился от солнца, которое светило ему прямо в лицо. От этой гримасы его морщины, казалось, стали еще глубже.

– Почему же ты покинула родной город? – спросил он и, заметив, как сжала губы его юная спутница, прибавил. – Нет, не отвечай, если не хочешь…

– У меня не было выбора, – ответила коротко Арабелла после небольшого молчания и вдруг оживилась. – Скажите, Жак, вы знаете весь Париж, правда?

– С моей-то деятельностью, – улыбнулся тот, стряхивая со своего плеча какую-то козявку. – Конечно, знаю. Я тут всю жизнь прожил. Я видел революцию, я вижу драки по случаю бесплатной раздачи еды… – он внезапно замолчал и склонил голову к плечу, наблюдая за Арабеллой.

По лицу девушки прополз румянец.

– А вы покажете мне Монфокон? Я одна… – Арабелла вдруг смутилась и уже шепотом прибавила. – Немного боюсь туда идти…

Старьевщик явно опешил. Его суховатые бесцветные губы дернулись, показывая на удивление целые зубы, глаза прищурились, потом широко распахнулись.

– Городская свалка? – переспросил он. – Самая обширная из всех? Место, где забивают скот? – и пробормотал с легкой иронией. – Странное теперь молодое поколение, гниющие трупы лошадей им подавай…

Арабелла смутилась еще сильнее:

– Я об этом не думала…

– Очаровательная особа, – по-отечески пробубнил вдруг Жак. – Может, ты все-таки мне признаешься, что ты ищешь? И будем искать вместе…

Он как-то многозначительно похлопал по коробу у себя за спиной.

Девушка вздохнула:

– Ничего… Честно. Рассматриваю Париж…

Жак повернулся в сторону и взмахнул палкой:

– Видишь гипсовые мельницы? Монмартр… Была там?

– Пыталась, – сказала Арабелла. – Прошла половину пути, мне навстречу бежали крысы, я испугалась…

– Я могу сходить с тобой туда. Но не сейчас. Мне надо работать…

Девушка сконфузилась:

– Я не подумала о том, что докучаю вам, Жак, – сказала она, заломив пальцы. – Ваше ремесло требует времени, а я лишь бесцельно трачу свое, чтобы не находиться дома.

Старик постучал металлическим наконечником своей палки о мостовую, видимо, что-то обдумывая.

– Одна не ходи. Совесть меня измучает. Три дня назад я тебя случайно спас, сейчас снова… Ты слишком отчаянная. Я схожу с тобой на Монмартр, но не сейчас. И тебе нужно

другое платье. Не такого уровня… – и так как девушка в недоумении взглянула на него, прибавил. – Ты выглядишь, как жительница своего округа. Это привлекает очень много лишнего внимания. Монмартр – район, где проживают рабочие. В таком платье не стоит там появляться…

Арабелла коснулась вышивки на лифе, что- то обдумывая.

– Все, что я ношу в Париже, шилось специально по этой моде, моих старых нарядов со мной не осталось… – потом вдруг кивнула. – Но, кажется, я придумала, Жак! Хорошо, я найду простое платье.

– Если ты сможешь пойти рано утром в среду. После восхода.

– Жак, – Арабелла вдруг стала серьёзной, и в ее голосе появилась болезненная суровость. – Я свободна практически двадцать часов в сутки. Я могу даже не являться домой. Не думаю, что Генриха встревожит мое отсутствие. В среду я вас буду ждать на этом месте, а сейчас мне неловко задерживать вас… Идите, благодарю вас, вы снова оказали мне услугу!

Старик взглянул на девушку со странной улыбкой, тряхнул коробом за плечами и, слегка шаркая стертыми подошвами сапог, свернул в проулок. Проводив взглядом своего нового знакомого, Арабелла наступила ногой на волочащееся по земле кружево платья, оторвала его полностью, столкнула носком туфельки в сточную канаву и уверенным шагом пошла в другую сторону. Её путь лежал домой.

– Матильда! – сказала она, едва завидев горничную, менявшую цветы в вазе. – Можешь подарить мне свое платье?

– Простите, мадам? – та бросила свое занятие и взглянула на молодую госпожу в легком недоумении.

– Мне нужно любое твое платье, – спокойно повторила Арабелла. – Из тех, что ты надеваешь, когда выходишь в город…

Матильда сжала тонкие губы и кивнула:

– Хорошо, мадам, – ее по обыкновению суровое лицо сохраняло хладнокровие. – Вам нужно принести его сейчас?

– Нет. Как освободишься, – сказала Арабелла и шевельнула бровями.

– Даже, если она и это доложит Генриху, – подумала девушка про себя. – То вряд ли его будет волновать какое-то платье. Удивлюсь, если он об этом вдруг спросит.

*** * * ***

Лакей Франк отошел от окна и поспешил открыть входную дверь. Действительно, уличное освещение не обмануло его, и это прибыл хозяин дома – Генрих Дюпен, возвращения которого из Нанта ждали не ранее завтрашнего дня.

– Месье Генрих! – слуга поспешил принять у него чемодан. – Рады вашему возвращению!

– Добрый вечер, Франк, – устало сказал тот и прислушался. В большом доме стояла мрачная тишина, пламя от свечей рисовало на стенах причудливые фигуры. Мебель в бордово-коричневых тонах в это время суток навевала усталость и печаль.

– Как Жаклин? – спросил Генрих после паузы.

Франк принял у хозяина френч и, никуда не глядя, сказал:

– Был еще один приступ, месье. Мадам в постели… – он замялся. – Доктор сказал, что она уже не встанет…

Генрих сглотнул слюну, сжимая губы в полоску. Выражение его лица выражало прискорбную смиренность, гладкий подбородок дрогнул. Так мог выглядеть человек, который осознает реальность, смирился с нею, но иногда испытывает желание открыто протестовать. Он прошелся туда-сюда возле лестницы, потом пробормотал:

– Может быть, мне не стоило уезжать…

Франк бросил взгляд на своего хозяина.

– Прошу прощения, месье, – сказал он. – Но мадам больна почти год. Ваше присутствие в Париже никак бы не повлияло на ситуацию…

Генрих ничего не ответил. Казалось, он вообще не слышал этих слов, будучи погруженным в свои мысли. Он сделал глубокий вдох, выпрямил спину и тяжелой поступью направился на второй этаж. У дверей спальни он столкнулся с выходящей оттуда служанкой.

– Ой, месье Генрих! – зашептала Матильда, прижимая к груди ладонь. – Вы вернулись!

Тот осторожно заглянул в комнату:

– Как она?

– Мадам уснула, – ответила служанка. – Я дала ей снотворное. Думаю, она проспит до утра. Если хотите, можете войти, но…

Генрих захватил воздух носом и ничего не сказал, уставившись в одну точку. Затем отрицательно помотал головой.

– Месье, вы будете ужинать? – спросила Матильда через пару мгновений.

Тот некоторое время еще продолжал смотреть в пустоту, потом провел языком по зубам и обернулся:

– Приготовь мне одежду. Я поеду в клуб!

* * * *

Париж еще спал, когда Арабелла Дюпен вышла из дома, одетая в коричневое платье с удлиненным рукавом. Она не стала завтракать и даже не ложилась накануне спать, чтобы не привлекать внимания прислуги своим слишком ранним подъемом и просьбой помочь одеться. Девушка не сомневалась, что мужа вряд ли станет волновать ее очередная отлучка, но решила, что так будет удобнее ей самой.

Когда Арабелла подошла к условленному месту, Жака еще не было. Он появился спустя четверть часа, без короба за спиной, чуть припадая на левую ногу, и приподнял свою мятую шляпу при виде девушки.

– Я припоздал, – сказал он. – С утра уже успел обойти несколько улиц и оставить дома свою котомку с добром. А палка мне нужна… С ней удобнее идти. И если что, отбиваться.

Арабелла вспомнила, как бодро старик разбросал тех пьяных мастеров, и улыбнулась:

– Такое платье подойдет?

Жак ковырнул наконечником палки кусок тряпки, валяющийся на земле, и кивнул:

– Теперь да… Ты готова покорить вершину холма?

Арабелла подала ему локоть.

– Вам трудно будет идти, держитесь за меня. Вполне можно будет подумать, что я ваша дочка…

Жак сделал гримасу, растрёпанная борода дернулась.

– Хорошо, что не внучка, – пробормотал он еле слышно, взял девушку за руку чуть ниже локтя, и они двинулись по пустой улице. На севере собиралась темная туча, грозя обрушиться дождем на город. Пахло пылью и гниющими объедками, куча которых тянулась вдоль их пути.

Жак сильнее надвинул шляпу на лицо и заговорил:

– Во время революции из всех зданий аббатства уцелела только церковь Сен-Пьер-де-Монмартр, которую ты увидишь на холме… Ветряные же мельницы для помола гипса имеют очень древнюю историю. Они относятся почти к тому же периоду, что и основание самого ордена Иезуитов. Во времена гугенотских войн король Генрих…

Он не договорил, потому что Арабелла остановилась и в удивленном восхищении посмотрела на своего спутника.

– Жак! – воскликнула она. – У вас такие богатые знания! Вам нужно быть профессором, а не…

Девушка взглянула на его стоптанные сапоги, к подошве которых прилипла картофельная кожура, и смутилась всего сказанного, решив, что может обидеть своего спутника. Старик молчал некоторое время, глядя на неё, потом выпустил локоть девушки, жестом предложил ей двигаться дальше и нехотя сказал:

– Я же не родился тем, кого ты перед собой видишь. Когда-то и я был молод и полон энергии. Я получил образование, открыл свое дело… Ты не подумай, это не жалоба. Будучи старьевщиком тоже можно достойно обеспечить свое существование, если хорошо трудиться… На болотах много таких, как я. Но еще больше старьевщиков живут в квартале Сен-Жак…

– На болотах? – не поняла девушка, и Жак снисходительно улыбнулся:

– Так называют Маре…

– Ах… – произнесла Арабелла, не зная, что еще добавить.

– В последнюю нашу встречу я не увидел того браслета, который ты очень хотела мне отдать, – вдруг сказал старик. – Надеюсь, Арабелла, у тебя его не украли?

– Я отдала его бедной девушке, которой нечем было заплатить за жилье, – не без гордости ответила та. – Точнее, я сама продала его ювелиру, а деньги отдала несчастной…

– Это достойный поступок, у тебя добрая душа… – отозвался Жак, и какое-то время их путь продолжился в молчании.

Они уже начали свое восхождение на холм Монмартра, когда с неба стали срываться мелкие капли редкого дождя. Порыв ветра ударил в лицо. Арабелла вдруг остановилась и обернулась назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.